

обязательства по предоставлению убежища беженцам. На практике «пограничные» страны (в большей степени Греция и Италия) заинтересованы в перенаправлении потока мигрантов в другие страны ЕС, в то время как часть стран Центральной Европы всячески препятствовали проникновению беженцев на свою территорию, ссылаясь, в том числе, и на невозможность их безболезненной интеграции в локальные сообщества. Таким образом, миграционные процессы являются фактором, оказывающим мощное влияние на динамику процессов регионализации. Наиболее отчетливо данный тезис проявился на примере миграционного кризиса в Европейском Союзе, страны-участницы которого достигли значительных успехов в решении внутренних проблем и разногласий, однако не смогли найти адекватный ответ на внешний вызов.

Библиографические ссылки

1. Widgren J. International Migration and Regional Stability // International Affairs. Royal Institute of International Affairs. Vol. 66, №4, 1990. pp. 749–766.
2. Trends in population policy // UN Dept of International Economic and Social Affairs, Population Studies. №114, New York, 1989. pp. 368-371.
3. Mediterranean Situation / UN High Commissioner for Refugees [Electronic resource]. Mode of access: <https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean>. Date of access: 14.06.2019.
4. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013. // European Parliament [Electronic resource]. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex:32013R0604>. Date of access: 14.06.2019.

УДК 1(091)+101.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ОПЫТА СУЩЕСТВОВАНИЯ

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
Iri_na2000@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется сущность идеи историчности и раскрывается ее методологический потенциал в осмыслении проблематики опыта существования в философии немецкого экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер), в философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер), в философии французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), в русской философии (М. М. Бахтин). Автор статьи делает вывод о том, что осуществленный экзистенциальный акцент на идеи историчности и преобразование ее в основополагающий принцип интерпретации аналитики человеческого бытия в философии немецкого экзистенциализма оказал существенное влияние на дальнейшее развитие философии XX века. Так, Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр опирались на разработанную в немецком экзистенциализме тему историчности для выстраивания собственных философских концепций, в которых проблема историч-

ности получала уже иное видение и перспективы решения. Этический ракурс анализа идеи историчности представлен в «философии поступка» М. М. Бахтина.

Ключевые слова: *идея историчности; опыт существования; методологический статус; экзистенциальная философия; герменевтика.*

METHODOLOGICAL STATUS OF THE IDEA OF HISTORICITY IN UNDERSTANDING EXPERIENCE OF EXISTENCE

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus.

Annotation. In this article the essence of the idea of historicity is analyzed. The author of this article reveals its methodological potential in understanding the problems of existence experience in the philosophy of German existentialism (K. Jaspers, M. Heidegger), in the philosophical hermeneutics (H.-G. Gadamer), in the philosophy of French existentialism (J.-P. Sartre), in Russian philosophy (M. Bakhtin). The author of the article concludes that the existential emphasis on the idea of historicity and its transformation into the fundamental principle of interpretation of the analytics of human being in the philosophy of German existentialism had a significant impact on the further development of philosophy of the twentieth century. Thus, H.-G. Gadamer, J.-P. Sartre relied on the theme of historicity developed in German existentialism to build their own philosophical concepts, in which the problem of historicity was received a different vision and prospects of solution. The ethical perspective of the analysis of the idea of historicity was presented in the «philosophy of the act» by M.M. Bakhtin.

Keywords: *the idea of historicity; experience of existence; methodological status; existential philosophy; hermeneutics*

Преобразование историчности в принцип в философии немецкого экзистенциализма не поставило точку в решении вопроса об историчности, но, напротив, раскрыло возможности для дальнейшего развития этой проблематики. Интерес к идее историчности был обусловлен проблематизацией человеческого опыта в контексте его историчности и конечности К. Ясперсом и М. Хайдеггером, а также стремлением этих философов на основе историчности разрешить вечные философские проблемы, такие как время, истина, свобода, понимание. В немецком экзистенциализме рассматривалась не только проблема историчности существования, но и проблема историчности языка, историчности понимания, а также раскрывалась антиномичная связь времени и вечности, истории и историчности. Осуществленный К. Ясперсом и М. Хайдеггером экзистенциальный акцент на идее историчности оказал существенное влияние на дальнейший процесс осмысления философских проблем, артикулировав новые способы проблематизации человеческого опыта в современном гуманитарном знании. Так, в качестве примера можно привести философскую герменевтику Х.-Г. Гадамера, экзистенциальную философию Ж.-П. Сартра, философия М. М. Бахтина.

Х.-Г. Гадамера продолжил развитие темы историчности и попытался разработать на основе этой идеи концепцию философской герменевтики. Основание

герменевтического феномена М. Гадамер вслед за М. Хайдеггером находит в историчности, конечности человеческого существования и делает основополагающими несколько хайдеггеровских тезисов: во-первых, само бытие есть время и нет ничего вечного; во-вторых, понимание – это не интерпретация, а существование в модусе возможного; и, в-третьих, историчное, т. е. «допредикативное» понимание раскрывает связь с традицией [1]. Через историчность Х.-Г. Гадамер выстраивал свое понимание опыта как открытости всему новому, и в то же время конечности, т. е. обусловленности предрассудком и традицией. Опыт – это не достигнутый результат, а процесс непрерывного подтверждения или отрицания на основе ошибки. На основании этого Х.-Г. Гадамер определил подлинный опыт как диалектический, негативный, видя именно в этой негативности опыта его продуктивность, т. е. противоречие ожидаемому. «Диалектика опыта получает свое подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает благодаря самому опыту» [2, с. 417]. Опыт диалектичен благодаря исторической сути человека, поэтому избавиться от опыта и уберечь от разочарований путем воспитания и родительской опеки нельзя. Так, историчность опыта раскрывается как открытость и, одновременно, конечность. Опыт подготавливает человека к осознанию собственной конечности. В подтверждение такой трактовки опыта Х.-Г. Гадамер ссылаясь на Эсхила, раскрывшего формулу внутренней историчности опыта: учиться, благодаря страданию, т. е. осознавать пределы человеческого бытия, которое конечно, в отличие от бытия божества. Под конечностью здесь понимается не только смертность человека, но и ограниченность его возможностей. Опыт историчности разрушает убежденность человека в том, что жизнь можно прожить по черновику и времени хватит, чтобы переделать и исправить все. Структура опыта у Х.-Г. Гадамера совпадает с герменевтическим опытом, прояснение которого связано с вопросом о сущности действенно-исторического сознания. Герменевтический опыт раскрывается как общение с историческим преданием, традицией. Таким образом, историчность выступает в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера основополагающим принципом, на основе которого им выстраивается концепция историчного понимания и обосновывается значимость традиции [1].

Другое направление развитию идеи историчности дает Ж.-П. Сартр, связывая историчность с сознанием, которое понимается у него как свобода. Сознание как свобода находится в постоянном бегстве от предметностей. По сравнению с бытием-в-себе, которое непроницаемо и плотно, сознание представляет собой недостаток, который выражается в желаниях, проектах. Сознание есть то, чем оно не является, поэтому человек всегда проектирует себя в будущее, которым он еще не стал. Отсюда историчность существования раскрывается как открытость, как неизменное колебание между прошлым и будущим через настоящее. Одновременно с этим свобода сознания есть свобода для чего-то: сознание стремится стать бытием-для-себя-в-себе, или Богом. Такое стремление стать Абсолютом предстает как конечный проект сознания, реализуемость которого всегда гипотетична. Таким образом, историчность существования у Сартра раскрывает человека диалектично: с одной стороны – открытость, с другой – конечность, и в каждом моменте

настоящего человек не то, что он есть. Невозможность стать Абсолютом Ж.-П. Сартр назвал «тщетной страстью». Свобода – это выбор, а значит перемена. Возможность выбора и его осуществление Ж.-П. Сартр рассматривал в русле идеи историчности. Возьмем в качестве примера его понимание прошлого: прошлое необходимо для выбора будущего потому, что оно является тем, что должно быть изменено, с другой стороны, человек имеет прошлое, только если удерживает его в существовании самим своим проектом к будущему. Случайность существования предполагает, что человек не может не выбирать прошлое, не проецируя себя в будущее. Так, идея историчности в философии Ж.-П. Сартра становится диалектической. «Но если свобода есть выбор цели в зависимости от прошлого, то и, наоборот, прошлое есть только то, чем оно является по отношению к выбранной цели» [3, с. 506]. Другими словами, необходимость прошлого коренится в будущем. Здесь можно увидеть отличие от немецкого экзистенциализма, в котором, наоборот, акцент переносится на прошлое: необходимость и значимость будущего коренится в прошлом.

Следовательно, идея историчности имеет разные оттенки интерпретации в немецкой и французской версиях экзистенциализма. Так, если у М. Хайдеггера, историчность раскрывается как исток человеческого существования, традиция, то у Ж.-П. Сартра историчность определяет ожидание, превращающее прошлое в вечную отсрочку. Ж.-П. Сартр также отказался от хайдеггеровского понятия «бытие-к-смерти» и проводил радикальное различие между двумя идеями: смерти и конечности. Смерть не может конституировать и открывать нам нашу конечность потому, что она, по мысли Ж.-П. Сартра, есть случайный факт, который принадлежит фактичности. Конечность же является онтологической структурой «для-себя», которая определяет свободу, существует в свободном проекте и посредством этого проекта. Другими словами, человек оставался бы конечным существом, даже если бы был бессмертным, так проектируя себя к одному возможному, человек исключает другие в силу невозвратимости времени. «Если я себя делаю, я делаю себя конечным, и вследствие этого факта моя жизнь уникальна. ... Человеческая реальность, открывая свою собственную конечность, не открывает, однако, свою смертность» [3, с. 551]. Поэтому смерть – это только внешняя и фактическая граница субъективности человека. «Я не «свободен, чтобы умереть», но я смертельно свободен» [3, с. 552]. Итак, историчность человека – это то, что не есть, а то, что делается в свободном проекте. Поэтому человек есть не что иное, как проект самого себя за пределы определенной ситуации. Таким образом, под историчностью Ж.-П. Сартр понимал незавершенность человеческой реальности и неокончательный смысл истории

Обратимся теперь к рассмотрению философии. М. М. Бахтина, который в 1921 г., т. е. за пять лет до появления «Бытия и времени» М. Хайдеггера, написал работу «К философии поступка» [4]. Несмотря на то, что эта работа представляла собой отклик на те трудности, с которыми встретила философия жизни, М. М. Бахтин не учреждал никакой новой версии историцизма и не стремится построить собственный вариант онтологии. Он критически рассматривал эстетизм романтизма, концепцию самосбывающейся гениально-художнической индивиду-

альности, что, в свою очередь, позволило ему, с одной стороны, рассмотреть проблему методологии гуманитарного знания, а с другой стороны, зафиксировать главную ошибку философии жизни, которая так же будет присутствовать и в философии немецкого экзистенциализма, а именно: недостаточное внимание, если не полное игнорирование, этической проблематики. Так, идея историчности получает новый ракурс рассмотрения – этический. Несмотря на то, что уже в философии С. Кьеркегора правомерно отметить этический компонент историчности, именно у М. М. Бахтина историчность превращается в этическую проблему. В философии немецкого экзистенциализма акцентирована только проблема ответственности: историческая коммуникация К. Ясперса и забота у М. Хайдеггера. Оригинальность же решения проблемы историчности существования у М. М. Бахтина заключается именно в этической постановке вопроса об ответственности. Приведем его слова: «Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией... Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима... она не проницаема для понимания» [4, с. 124]. М. М. Бахтин раскрыл неповторимость человека, исходя из его историчности, и выявил ее укорененность в ответственности, а не в смертности. Таким образом, философ поставил в центр рассмотрения не только историчную индивидуальность, но и «долженствующую единственность».

Если в немецком экзистенциализме статус незаменимости человек получает в силу своей вовлеченности в историю, в судьбу своего народа, то у М. М. Бахтина единственный тождественен ответственному. В этом и заключается новизна рассмотрения идеи историчности. «То, что много может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия нудильно обязательна. Это факт моего неалиби в бытии» [4, с. 112]. Следовательно, историчная ответственность заключается не только в ощущении вины по поводу уже совершенного в истории, как это было у С. Кьеркегора, но и в проживании настоящего момента, в решимости совершить поступок или в отказе от него. Здесь, в отношении решимости можно увидеть перекличку идей М. Хайдеггера и М. М. Бахтина. У М. Хайдеггера решимость означает принятие истории как своей собственной, осознание вовлеченности в традицию, т. е. принятие прошлого без стыдливости и брезгливости к нему. М. М. Бахтин тоже говорил о решимости, но в векторе настоящего и будущего: решиться на деяние, которое изменит будущее, повлияет на него. Отсюда, историчность как единственность человека, базирующаяся на ответственности, и дана, и задана. Дана в том плане, что человек уже есть, а задана в том смысле, что он еще должен осуществить свою единственность, доказать и оправдать свою неповторимость. Таким образом, историчность у М. М. Бахтина отождествляется с ответственностью единственного. На основании этого правомерно сделать вывод о том, что М. М. Бахтин предвосхитил развитие идеи историчности в немецком экзистенциализме.

Осуществленный экзистенциальный акцент на идеи историчности и преобразование ее в основополагающий принцип интерпретации аналитики человеческого бытия в философии немецкого экзистенциализма оказал существенное вли-

яние на дальнейшее развитие философии XX века. Х.-Г. Гадамер разработал концепцию философской герменевтики на основе историчности, найдя основание герменевтического феномена и определив герменевтический круг в конечности существования человека и принадлежности его истории. Ж.-П. Сартр связывал историчность с сознанием, которое отождествлялось у него со свободой. Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр опирались на разработанную в немецком экзистенциализме тему историчности для выстраивания собственных философских концепций, в которых проблема историчности получала уже иное видение и перспективы решения. Этический ракурс анализа идеи историчности представлен в «философии поступка» М. М. Бахтина.

Библиографические ссылки

1. Сидоренко И. Н. Шаврова О. Г. Феномен историчности человеческого бытия в экзистенциально-герменевтической философии // Весн. Беларус. Дзярж. Ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 3. С. 36–40.

2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1998. 704с.

3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 639 с.

4. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985.М., 1986. С. 80–161.

УДК 141.32

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Е.В. Хомич

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
khomichel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению, развитию и перспективам философской антропологии. Начиная с XVI в., антропологические знания были разделены между наукой и метафизикой. Как самостоятельная философская дисциплина антропология формируется в конце 20-х годов прошлого столетия. Авторами ее первых методологических программ стали М. Шелер и М. Хайдеггер, предложившие оригинальные версии автономизации антропологии. Синтетическая программа Шелера ориентирована на интеграцию философии и науки в рамках «мета-антропологии» как нового варианта философии, центрирующей мир на человеке. Фундаментальная онтология Хайдеггера стала основанием для оформления экзистенциальной парадигмы в философии и культуре XX в., акцентирующей противоречивость человеческого существования и его несовпадение с универсалистскими претензиями науки и классической метафизики.